

Энгельс в борьбе за революционный марксизм

РЕЧЬ тов. Д. З. МАНУИЛЬСКОГО*)

I. ЭНГЕЛЬС И ЕГО РОЛЬ В СОЗДАНИИ НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА

40 лет тому назад умер Фридрих Энгельс — ближайший соратник Карла Маркса, величайший революционный мыслитель человечества, организатор и вождь международной пролетарской партии. Имена Маркса и Энгельса останутся навсегда в памяти народов, как имена двух великих гениев — творцов научного социализма, основоположников мирового коммунистического движения.

Революционная деятельность Энгельса неразрывно связана с жизнью и деятельностью Маркса.

«Старинные предания», — писал 40 лет тому назад Ленин, — рассказывают о разных трогательных примерах дружбы. Европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе» (Ленин, собр. соч., издан. 2-е, том I, стр. 414).

Годовщина смерти Энгельса, которую мы отмечаем сегодня, совпадает с переломом в мировом рабочем движении, с поворотом под влиянием победы социализма в СССР и глубочайшего кризиса капитализма — широчайших масс социал-демократических и беспартийных рабочих к коммунизму, с ускоряющимся развитием II Интернационала. Победа пролетариата в СССР, рост коммунистического движения во всем мире — это прямой результат того, что партия большевиков, международная партия Ленина и Сталина осталась до конца верной учению Маркса и Энгельса. Развал II Интернационала, поражение и банкротство его партий — это исторически неизбежные следствия их отступничества от Маркса и Энгельса, отпавшие и извращения марксизма. За это отступничество приходится сейчас расплачиваться миллионам трудящихся — в тисках нужды, голода, безработицы, на виселицах и в каторге фашизма, в окопах разгорающихся империалистических войн.

С самого начала своей революционной деятельности Энгельс наряду с Марксом велел борьбу за обоснование и развитие научного социализма в области экономики и общественных наук, в области философии и естествознания, борьбу за все более широкое внедрение революционного марксизма в сознание пролетарских масс. Далее оратор, подробно останавливаясь на борьбе Энгельса против немецкого, «истинного» социализма, против лассалейства, бакунизма, прудонизма и других лассоциалистических и лжереволюционных теорий, показывает, как Энгельс, исходя из марксовой анализа экономических отношений буржуазного общества, обосновывал неизбежность насильственного свержения буржуазии и всемирно-историческую роль пролетариата как могильщика капитализма и создателя нового социалистического строя. Вместе с Марксом Энгельс доказал, что классовая борьба ведет к диктатуре пролетариата, как государству переходного периода от капитализма к коммунизму, что без руководства своей самостоятельной политической партии пролетариат не победит в этой борьбе.

И потому Энгельс призывает рабочих действовать согласно этой революционной теории, бороться за пролетарскую диктатуру. Эта мысль о единстве революционной теории и революционного действия проходит красной нитью через все научные труды, через все полемические статьи и партийные директивы Энгельса.

Энгельс в своей борьбе и против социал-демократических оппортунистов и против анархистов ставил на первый план вопрос о диктатуре пролетариата и, в частности, вопрос о коренном отличии

II. ВОЖДЬ ПРОЛЕТАРИАТА И МАСТЕР ПРОЛЕТАРСКОЙ ТАКТИКИ

Энгельс был не только величайшим теоретиком пролетариата. Как и Маркс, он был прежде всего революционером. Как и у Маркса, подлинной стихией Энгельса была прежде всего борьба, — упорная, последовательная, страстная борьба за коммунизм.

Охарактеризовав основные вехи революционной деятельности Энгельса — сороковые годы; революция 1848 года, 60-е годы и первый Интернационал, период после Парижской Коммуны 1871 года, — оратор указывает:

то, что отличает Энгельса, как политика рабочего класса, четко сформулировано Лениным. Это — «глубочайшее понимание коренных преобразовательных целей пролетариата и необходимость гибкое определение данных задач тактики с точки зрения революционных целей и без малейших уступок оппортунизму и революционной фразе».

Немало было людей в эпоху Энгельса, немало их есть и сейчас, которые мыслят пролетарскую революцию не диалектически, а механистически: в одном лагере сознательные, последовательные, «чистые»

между государством эксплуататоров и пролетарским государством.

Учение революционного марксизма о государстве и революции и, в частности, замечательные наброски Энгельса по вопросу о пролетарской демократии в противовес демократии буржуазной получили генеральное развитие в работах Ленина и Сталина. Какое неопровержимое подтверждение находит именно сейчас, в условиях наступления реакции и фашизма в капиталистических странах, учение марксизма-ленинизма о государстве как органе эксплуататорского класса для удержания в подчинении класса эксплуатируемого. Как поворачиваются на все четыре стороны живые хитросплетения с.д. филистеров о государстве как «выразителе общих интересов народа», якобы примиряющем интересы антагонистических классов и стоящем над ними! И какую проверку получают сегодня, особенно в фашистских странах, слова Энгельса о том, что «государство — это вооруженные отряды, полиция, армия, тюрьмы и суды». Фашистские ландскнехты финансового капитала, гестапо, защитные отряды Гитлера и Геринга, фашистские застенки, концлагеря и эшафоты, — все это обнажает самую суть сущности эксплуататорского государства, сбрасывающего с себя маску буржуазной демократии, растаптывающего последние остатки демократических прав и свобод, завоеванных трудящимися в долгой кровавой борьбе. И что скажут перед лицом этих неумолимых фактов те, кто, ополчая и извращая марксизм, отвергал путь пролетарской революции и вместе с Носке и Зеверингом защищал буржуазное государство от настоящей революционной массы?

Противопоставляя диктатуре буржуазии диктатуру пролетариата, Маркс и Энгельс всю свою жизнь боролись за создание такой партии, которая могла бы повести массы на захват власти и установление пролетарской диктатуры.

Только партия большевиков включила еще в 1903 г. требование диктатуры пролетариата в свою программу.

Только большевики под руководством Ленина и Сталина поставили ближайшей целью пролетарской революции создание государства «типа Коммуны», дополнив опыт Коммуны богатейшим опытом двух русских революций, сумели повести миллионные массы пролетариата и беднейшего крестьянства на слом буржуазного государства и установление пролетарской диктатуры в форме советов.

Оратор показывает, как под руководством Ленина и Сталина большевики осуществляли и осуществляют генеральные указания Энгельса о переделке всех производственных отношений после захвата власти пролетариатом, об организации производства по общему плану, о производительном труде, который из средства порабощения станет средством освобождения, о необходимости преодоления противоречия между городом и деревней, о всестороннем развитии людей при социализме.

Энгельс говорил о том, продолжает оратор, что люди, которые выпадают на долю уничтожить дотла основы эксплуататорского общества и построить бесклассовое социалистическое общество, будут обладать исключительной силой теоретического предвидения и железной волей. Эту науку партию, партию большевиков, во главе с Лениным и Сталиным, видел генеральный взор Энгельса, пронизавший сквозь завесу грядущих десятилетий. (Бурные аплодисменты). Это о тех миллионах говоря Энгельс, которые построили социализм в стране пролетарской диктатуры.

Энгельс говорил о том, продолжает оратор, что люди, которые выпадают на долю уничтожить дотла основы эксплуататорского общества и построить бесклассовое социалистическое общество, будут обладать исключительной силой теоретического предвидения и железной волей. Эту науку партию, партию большевиков, во главе с Лениным и Сталиным, видел генеральный взор Энгельса, пронизавший сквозь завесу грядущих десятилетий. (Бурные аплодисменты). Это о тех миллионах говоря Энгельс, которые построили социализм в стране пролетарской диктатуры.

революционеры, в другом сплошная реакционная масса; никаких изменений в соотношении классовых сил, ибо все классы раз и навсегда заняли уготованные им в революционной схеме позиции; никаких колеблющихся промежуточных слов, ибо все они заранее отнесены в каталог реакции; никакого авангарда и резервов, ибо все они представляют сплошную революционную массу; никаких масс, лишь подходящих к революции, ибо они заранее включены в лагерь революционного авангарда; никаких этапов в развитии революционной борьбы, так как головолупным путем массы переведены в высший класс «последнего, решающего боя»; никакой повседневной работы революционной партии над просвещением и подготовкой масс к борьбе, так как массы ждут только повода, чтобы ринуться в бой под руководством архи-революционных вожаков; никакой организационной подготовки, ускоряющей нарастание движения, ибо за нас работает стихия этого движения.

Неверно думать, что революция будет развиваться по прямой, как выпущенная из дука стрела, что в созревающем революционном процессе не бывает заминок, перебивов, отступлений назад, чтобы тем сильнее можно было затем прыгнуть впе-

ред. Неверно думать, что тактика революционной партии должна строиться не на том соотношении классовых сил, которое есть, а на том, которое мы хотели бы иметь. Неверно думать, что пролетарская партия как в процессе подготовки революции, так и в самом ее развитии, достаточно опираться только на силы авангарда, а не на большинство рабочего класса. Неверно думать, что, игнорируя другие классовые силы, не пытаясь перетянуть хотя бы временно на сторону революции колеблющиеся классы, пролетарская партия тем самым создает ясную ситуацию «класс против класса». Неверно думать, что подготовить революцию и осуществить ее можно без использования противоречий в лагере противника, без компромиссов временных, частичных с другими революционными группами и группами и их политическими организациями.

В 1889 г. в письме к датскому социалисту Триру Энгельс рекомендует использовать в интересах рабочего класса другие партии.

«Временно поддерживать другие партии и мероприятия, которые либо непосредственно выгодны пролетариату, либо представляют собой шаг вперед в направлении экономического развития или политической свободы...»

«Но я, — добавляет Энгельс, — за это лишь в том случае, если та выгода, которая представляется непосредственно для нас или для исторического развития страны по пути экономической и политической революции, неоспорима и стоит того, чтобы ее добиваться. И все это при условии, что пролетарский классовый характер партии тем самым не ставится под вопрос. Это — для меня абсолютный предел». («Большевик» № 21 за 1932 г., стр. 84).

Укрепление классового характера партии, повышение сознания пролетариата, его боеготовности, укрепление его позиций, ослабление позиций классового врага, — вот тот критерий, который Энгельс считает обязательным при разрешении вопроса о допустимости того или иного компромисса.

Но эта тактика глубоко враждебна идее классового сотрудничества пролетариата с буржуазией, которую проводила международная социал-демократия, ибо социал-демократическая политика лишила партию ее классового характера, она укрепила позицию буржуазии, ослабила и деморализовала пролетариат. Эта революционная тактика не имеет ничего общего с политической «меньшей злостью», с головоуломом за Гинденбурга, с блокированием в Брюнне, ибо путем политики «меньшей злости» социал-демократия ставила буржуазию одну позицию пролетариата за другой, расчищала путь фашизму и подготавливала поражение пролетариата.

Эти мысли Энгельса спустя три десятилетия развивает дальше Ленин на основе опыта трех русских революций, обучая молодые компартии такой гибкой маневренной тактике, которая бы помогла им преодолеть детскую болезнь левизны и поставить борьбу за свержение буржуазии действительно по-большевистски.

«... Победить более могущественного противника можно только при величайшем напряжении сил и при обязательном, самом тщательном, забитом, осторожном, умелом использовании как всякой, хотя бы малейшей, «трещины» между врагами, всякой противоположности интересов между буржуазией разных стран, между разными группами

или видами буржуазии внутри отдельных стран, — так и всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непостоянного, ненадежного. Кто этого не понял, тот не понял ни грана в марксизме и в научном современном социализме вообще». (Ленин «Детская болезнь левизны» в коммунизме». Партизат, 1933 г., стр. 45-я).

Если вы вдумаетесь, товарищи, в эти слова Энгельса и Ленина, вы поймете, что эта тактика, проверенная на опыте всего мирового рабочего движения в течение многих десятилетий, открывает сейчас перед Коммунистическим Интернационалом, перед всеми его секциями величайшие возможности выйти из агитационно-пропагандистского периода нашего развития и стать могущественнейшим фактором всей современной политической жизни в отдельных странах и во всем мире. (Аплодисменты).

Но именно потому, что мы сейчас выходим на широкую дорогу большой массовой политики, что мы готовимся считать не сотнями тысяч, а миллионами, что мы начинаем влиять под свое влияние те слои, которые либо вчера еще стояли в рядах социал-демократии, либо вне всякой политики, секции Коминтерна должны проявить особую настороженность к возможным правам и оппортунистическим извращениям нашей массовой политики, извращениям, которые будут задерживать рост нашего влияния в массах и рост боеготовности пролетариата и тормозить тем самым назревание условий пролетарской революции. И здесь еще раз мы должны обратиться к нашему учителю Энгельсу и вспомнить его борьбу против оппортунизма, борьбу беспощадную, неукротимую, заполнившую колееку его жизни как политического борца.

Никто так не хотел сплочения пролетарского авангарда в рядах одной рабочей партии, как Энгельс. Но он знал и видел, что объединение на беспринципной основе ослабит рабочий класс. В 1882 г. во Франции Энгельс приветствует происшедший в рабочей партии раскол с Маллопом и Бруссом, которые отказались от классовой борьбы, жертвовали пролетарским классовым характером движения и сделали разрыв неизбежным. «Тем лучше...», говорит он, — единство — прекрасная вещь, пока оно возможно, но есть вещи поважнее единства».

Мы считаем необходимым напомнить эти слова Энгельса именно теперь, когда здесь, на этом конгрессе, мы высоко поднимаем знамя политического единства международного рабочего класса.

Докладом т. Димитрова конгресс особенно ярко подчеркнул свою волю к борьбе за единую рабочую партию в каждой стране, за единую рабочую партию во всем мире. Но эта партия возможна только на основе принципиального единства, а не на основе гнилого блока мелкобуржуазных и пролетарских элементов по образу и подобию II Интернационала. Мы напомним тысячам, десяткам и сотням тысяч социал-демократических рабочих, считающих себя последователями и учениками Маркса и Энгельса, что мы вместе с ними совершили бы преступление по отношению к нашему классу, если бы мы воссоздали то мнимое «единство», которое привело к катастрофе 4 августа, к блоку части рабочего класса с буржуазией, а в конечном итоге — обогатило победу фашизма. Такого единства не нужно

рабочему классу! Мы хотим того единства, за которое всю жизнь боролся наш учитель — Фридрих Энгельс. Для достижения этого единства мы приложим все силы и мы его добьемся. (Аплодисменты).

Но добиться его сможет только партия, завоевывающая своей растущей активностью доверие масс, партия, преодолевающая схематизм и упрощенство в подходе к массовым движениям. За такую партию боролся Энгельс. Он нещадно бичевал пассивность и безделье, как одну из вреднейших форм оппортунизма. В своей переписке с рабочими лидерами он неустанно повторяет: партия должна действовать при всех обстоятельствах, участвовать во всей политической жизни страны, использовать каждый факт внутренней и внешней политики как повод для активных выступлений, быть с массами всюду и всегда, в каждый момент: во-время выдвигать истинный лозунг борьбы, исходящий от самих масс, заменить его новым по мере нарастания движения — вот на каком основном тактическом правиле для пролетарской партии настаивает Энгельс.

Партия, которая живет в узком, замкнутом кругу своих единомышленников, которая стоит вне того, чем живет народ, которая не умеет зацепиться за то, что волнует в данный момент массы, которая не умеет обобщать в четких, доступных лозунгах народных жалоб и чаяний, — такая партия не сумеет стать во главе массовых движений.

Особенно резко Энгельс обрушивается на тех, кто оказывается в сетях в решающий момент борьбы масс.

Пассивность и безделье, маскируясь «левой» фразой, прикрывается часто на практике игрой в конспирацию, в самозамыкание в подпольной организации, вырождаются в карбонаризм, чуждый духу рабочей партии. С другой стороны, парламентский кретинизм, приспособление во что бы то ни стало к буржуазной легальности, отрицание значения нелегальных форм организации, боязнь насилия в свою очередь парализуют боеготовность рабочего класса.

Энгельс настаивает на том, чтобы пролетарские революционеры умели пользоваться всеми формами борьбы против классового врага. И эти указания Энгельса партии большевиков под руководством Ленина и Сталина превратили в огромный 25-летний опыт создания легальных и нелегальных форм работы, легший, как известно, в основу организационных решений II конгресса Коминтерна.

Использованы ли эти указания и опыт нашими секциями до конца? Нет, не использованы. Многие товарищи убеждены, что в условиях фашистского террора нет места для «легальных» зацепок в работе, для открытого проявления рабочего движения, для разоруживания широкой массовой борьбы. Но фашизм ведь вынужден создавать массовую базу, строить свои массовые организации, прибегать к социальным демогогам. Отсюда задача коммунистов: проникать в массовые фашистские организации, обрывать фашистскую социальную демогогию против фашистской диктатуры и таким путем подрывать массовую базу фашизма. Нельзя прорваться к массам без каждодневной систематической работы в фашистских массовых организациях, без создания методов работы легальной и нелегальной.

В то же время неверно думать, будто в странах легального рабочего движения нам нелегальные организации ни к чему. Предпринимательский террор во всех странах вынуждает нас строить ячейки на предприятиях нелегально. Усиление фашистской угрозы обязывает «легальные» компартии принять все меры на случай перехода на нелегальное положение, чтобы не повторить ошибок итальянской и не-

III. МЫ ПРОДОЛЖАЕМ ДЕЛО ЭНГЕЛЬСА

Мы, коммунисты, — продолжатели дела Энгельса.

Великая непреходящая сила сознанного и Марксом революционного учения состоит в том, что оно живет и развивается вместе с борющимися пролетариатом, обогащается его новым опытом, оттачивается в борьбе с его врагами.

Энгельс ушел от нас в середине 90-х годов. Но именно в эти годы начал свою революционную работу Ленин, имя которого стало путеводной звездой для всего международного пролетариата.

Для Ленина марксизм был не догмой, а руководством к революционному действию. Еще в конце прошлого века, в связи с боями вокруг партийной программы, Ленин писал: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса, как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты должны выдвигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни».

В беседе с американскими рабочими Сталин на нескольких страницах дал самую характеристику того вклада, который Ленин внес в сокровищницу марксизма. Эти несколько скупых страниц надо читать и перечитывать, они стоят многих томов. Здесь Сталин резюмирует содержание ленинского этапа в развитии марксизма; анализ империализма, как последней фазы капитализма; дальнейшая разработка

мечкой компартий. Нужно помнить, что движение единого фронта «легализует» явочным порядком самые гонимые и преследуемые компартии, что массовая борьба вынесет на поверхность самые глубокие законспирированные организации. Одной из разновидностей того схематизма и упрощенства, против которых боролся Энгельс является механическое применение основных тактических положений без учета своеобразия условий в каждой отдельной стране.

Тот, кто думает, что достаточно иметь несколько готовых формул в кармане, чтобы стряхнуть все мировое рабочее движение под одну гребенку, тот не интернационализует рабочее движение, а замораживает его и мешает его развитию.

Энгельс был классической фигурой подлинного интернационального вождя, владевшего в совершенстве секретом правильного сочетания интернационального характера нашего коммунистического движения с учетом его национальных особенностей. Он был тесно связан с германским рабочим движением, он отлично знал во всех деталях и французское рабочее движение; он с 1844 г. был живейшим участником борьбы английского пролетариата, он глубоко изучал американское рабочее движение (и сам побывал за океаном); он был исключительно знатоком условий и хода пролетарской борьбы в Италии и Пиринейских странах; он превосходно разбирался в делах социалистического движения западных и восточных славянских стран.

Именно это глубокое знание положений в отдельных странах позволило Энгельсу правильно руководить рабочими партиями этих стран, быть подлинным вождем и организатором пролетарского Интернационала.

Таковы важнейшие тактические указания Энгельса в свете нашей великой эпохи, в свете задач, которые стоят перед нашим конгрессом.

Энгельс учил нас быть партией боевой, действенной, и в моменты подъема волны движения и в моменты ее временного спада уметь находить то особенное, что хватает за живое массы, позволяет партии расширять и укреплять свою связь с рабочим классом и трудящимися.

Энгельс учил нас не зазнаваться в моменты побед, не опускать голову в моменты временных поражений. В случае поражения не бояться начинать сначала, начинать с твердой верой, что во второй раз мы должны добиться победы.

Энгельс учил нас проводить такую массовую политику, которая отвечает насущнейшим интересам самых широчайших масс трудящихся, способствует сплочению во круг пролетариата крестьянских масс и трудящихся городов. В нынешней обстановке это означает прежде всего установление народного фронта против фашизма внутри капиталистических стран и фронта народов против войны на международной арене. (Аплодисменты).

Мы живем и боремся в несравненно более сложной обстановке, чем та, которая была во времена Энгельса. Но богатейшее тактическое наследие Энгельса сохраняется для нас свое значение и в этой новой обстановке. Коммунисты будут еще долго черпать из этого наследия и будут по-большевистски превращать указания Энгельса в жизнь.

Значит ли это, что этих указаний достаточно для определения нашей тактики? Конечно, нет. Как и Маркс, Энгельс в силу исторических условий еще не был в состоянии создать и не создал законченной науки о стратегии и тактике революционного пролетариата. Но в основе этой науки, созданной гением Ленина и Сталина, лежат замечательные мысли о стратегии и тактике, которые развивали и по мере сил воплощали в жизнь великие основоположники коммунизма.

главного в марксизме — учение о пролетарской диктатуре; разработка вопроса о формах и способах социалистического строительства в период пролетарской диктатуры; создание стройной системы гегемонии пролетариата; разработка национально-колониального вопроса, как вопроса о резервах пролетарской революции; создание учения о партии.

Ленину принадлежит заслуга определения позиции коммунистов в империалистических войнах, позиции, которую он зафиксировал в лозунге превращения войн империалистических в войны гражданские. И это тем более нужно подчеркнуть, что имели место попытки изобразить дело так, будто родоначальником этого лозунга был Энгельс. Это неверно, товарищи. У Энгельса слишком много заслуг перед мировым рабочим классом, чтобы мы ему приписывали то, чего он не говорил. Энгельс не жил в эпоху империализма, ему приходилось намечать позиции международного социализма главным образом в отношении войн национальных. Если бы большевики подходили догматически к работам Энгельса 90-х годов, они бы не смогли в вопросе об империалистических войнах развить марксистскую позицию так, как это сделал Ленин. Ленин, и только Ленин, дал принципиально новую и единственно правильную установку как в вопросе о характере империалистической

(Окончание см. на 3 стр.)

*) Печатается по сокращенной стенограмме